

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Анна ОДУВАЛОВА

ОПАСНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-40

Серия основана в 2004 году
Выпуск 393

Художник
Л. Клепакова

Одувалова А. С.

О-40 Опасное притяжение: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 311 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1059-0

Дождлив и сер город Питер, стелется туман по берегам Невы, заволакивает глаза, и не увидеть простым смертным, как две древние расы плетут интриги и козни, чтобы заполучить могущественный артефакт.

Моройка Влада способна проникнуть сквозь любые преграды и даже обвести вокруг пальца хитрых халдеев. Но это дело, кажется, ей не по зубам. Противники слишком сильны, а цена непомерно высока, но отступать нельзя — это не в правилах охотницы за артефактами.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1059-0 © Одувалова А. С., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*С благодарностью за поддержку, легенды и стихи
Марине Голубевой — маме и моему
незаменимому критику*

ПРОЛОГ

Хмурый, пропитанный запахом опавшей листвы вечер не радовал. Собиравшийся весь день дождь хлынул, когда совсем стемнело. Лил стеной минут пять, потом перешел в надоедливую морось. От мелких капель глупо прятаться под зонтом. Без него тщательно уложенные волосы обвисли некрасивыми сосульками, а ухваченный на распродаже плащик от «Prada» совсем промок. А ведь я совсем недавно вышла из метро! И все эти неудобства из-за идущего в нескольких метрах впереди пижона. Вот уж никак не думала, что он оставит свой серебристый «порше» у метро на Войковской. Пришлось последовать его примеру и сейчас проклинать отвратительную погоду. Одно радует: хватило ума не надеть шпильки.

Неоновые вывески горят так ярко, и их так много, что они вполне могут заменить фонари. На улице почти ночь, а настоящей темноты нигде нет, разве только в укромных парках, ну или на самой окраине города.

Я поймала взглядом высокую фигуру, маячившую впереди, и неторопливо двинулась следом. Теперь главное, слишком не приближаться, чтобы не вызвать подозрений, но в то же время не отстать. Хорошо, что на

улице сейчас еще людно — я всего лишь одна из многих, спешащих по своим делам.

Мне нравится изучать людей, улавливать отголоски их мыслей и желаний. Пожалуй, это умение — одно из немногих, которые я по-настоящему ценю. Вон весело стучит каблучками по асфальту девчушка: сумка из искусственной кожи, джинсы со стразами и короткая куртка из непонятного материала. Когда мы поравнялись, она взглянула искоса, и меня обожгло завистью. Она приняла меня за свою ровесницу. Угадать мысль случайной прохожей не составило труда: «Почему одним — все, а другим — ничего?» Она, видимо, решила, что дорогие шмотки и сумка от известного дизайнера — заслуга богатеньких родителей. Наивная. Знала бы, каких усилий мне все это стоило, не завидовала бы. Хотя кто может сказать наверняка? Некоторые мечтают именно о такой жизни, правда до тех пор, пока не вкусят всех ее прелестей.

А вот массивной тетке, догнавшей меня у поворота, было безразлично. Причем все: я, пахнущая изысканным парфюмом, дождь и суета улицы. Ей просто хотелось домой, туда, где можно бросить тяжелые сумки и скинуть ужасно жмущие туфли.

Несколько студентов с бутылками пива окинули меня оценивающими взглядами, пошептались, обсуждая, и двинулись дальше. Он них веяло теплом и беззаботностью. Единственную проблему для ребят составляла сессия, но до нее еще очень далеко. Вот с ними бы я, пожалуй, задержалась чуть дольше, если бы не важные дела. Мне давно не хватало беззаботной легкости, присущей студентам. Того непередаваемого ощущения, когда, с одной стороны, ты уже не ребенок — можно все. А с другой — еще не навалились неприятные обязанности и проблемы, вечные спутники взрослой жизни.

Впрочем, я вру сама себе. Не было у меня такого периода. Казалось, мое детство оборвалось в один день и

осталось там за горизонтом, словно за стеклянной стеной, вместе с родителями, смеющейся сестрой и огромным лохматым псом. Я до сих пор иногда могу наблюдать за ними. Именно так, через стекло, не имея возможности подойти ближе. А это еще сложнее, чем просто отрезать себя от всех воспоминаний, приходится усилием воли заставлять себя не подглядывать. Последние четыре года мне было некогда наблюдать за родными, и поэтому я не страдала.

Парень шел не торопясь, легкой небрежной походкой уверенного в себе человека. Дорого одетый, по виду успешный — такие обычно не ездят на метро. Мне стало интересно, что его заставило сегодня изменить привычкам: извечная жажда нового или что-то иное, более приземленное? Я подошла немного ближе и уловила запах с нотками свежего цитруса и черной лаванды. Как он посмел воспользоваться одним из моих любимых мужских ароматов? Совершенно ненужный и отвлекающий момент. В некоторых случаях обостренное обоняние мешает.

Я едва не спалилась, когда парень остановился и проводил заинтересованным взглядом проходившую мимо девушку. Пришлось тоже тормозить и делать вид, что рассматриваю витрину. Было бы еще что рассматривать. Художественный салон уже закрыт, а разглядывать витрину круглосуточной аптеки как-то глупо. Все же слежка — скучное дело. Но игра стоит свеч. Я знала лично того, кого сегодня веду. Не сейчас, а давно, в другой жизни. И у меня имеется свой кровный интерес.

Молодой человек поправил воротник короткой куртки и нырнул в подземный переход, намереваясь пересечь Ленинградский проспект. Я притормозила, выжидая время, — не хватало еще, чтобы меня засекли раньше срока, — а затем направилась следом. Когда вышла на поверхность, тот, за кем я упорно следовала, стоял в тени парка не один. Там его дожидалась девушка. От-

сюда я не могла ее рассмотреть. К тому же она стояла ко мне спиной. Но пахла незнакомка изысканно: ландышем и немного бергамотом.

Пара что-то оживленно обсуждала. Девушка наклоняла голову, ее длинные волосы ливнем сбегали по спине. Мне стало завидно — у меня каре. Я всегда завидовала тем, у кого длинные волосы, но отрастить сама так и не смогла — слишком люблю меняться. Девушка смеялась, кокетничала и пыталась произвести впечатление. Все правильно, Макс нравится женщинам. По-иному быть не может. Только вот он перешел грань. Забыл, что всему есть предел и законы нужно чтить. Нарушил правила и тем самым дал мне шанс.

Я присела на лавочку, краем глаза наблюдая, не соберется ли парочка уходить. Но нет, казалось, им хорошо в темноте безлюдного парка. Я подозревала, что ненадолго. Макс не будет терпеть. Нет смысла.

Сидеть на мокрой лавочке было неприятно, но я старалась не обращать внимания на неудобство. От влажности воздух казался густым. Осень пробиралась под тонкий плащ ветром, легким, почти что нежным, напоминающим о лете.

Расслабившись, я едва не проворонила самое интересное. Парень приобнял девушку за плечи, шагнул вперед по тропинке, и парочка растворилась в темноте.

Вот черт!

Я резко вскочила со скамейки и кинулась в глубь парка.

А он намного умнее, чем я предполагала. Кто бы мог подумать, что у него есть сделанный проклятыми халдеями артефакт-полог. Если я его не найду, все пропало — Макс и жертва будут скрыты от посторонних глаз на какое-то время. Когда полог спадет, ничего уже не предпримешь.

Я упала на колени в пожухлую влажную листву.

Начала лихорадочно обшаривать тропинку в поисках артефакта. Однозначно, это вещь маленькая — она должна свободно поместиться в кармане, и яркая — потому что халдеи, как сороки, любят все блестящее. Конечно, сами колдуны любовь к драгоценным металлам и камням объясняют иначе, но моего мнения это не меняет. По мне, куда логичнее надеть силой бульжник, а не, допустим, изумруд. И не так заметно, и дешевле. Хотя сейчас я жалею зря, только необычность предмета поможет его обнаружить. Под руками что-то блеснуло. Так и есть — массивный перстень, по виду — золото и рубин. Я достала из сумки носовой платок и осторожно подняла дрянь с земли. Ну не люблю я всякие колдовские штучки, не люблю. Кто их, халдеев, знает? Неизвестно, как они защитили свою вещь от желающих разрушить заклинание. Все же, чтобы скинуть полог, оказалось достаточно лишь отшвырнуть артефакт в сторону. Похоже, он защищал строго определенную часть пространства и сейчас просто утащил заклинание за собой.

К сожалению, я опоздала. Девушка с остановившимся взглядом лежала на земле. Длинные волосы змеями расплзлись по осенней листве, а с лица вместе с жизнью ушла красота. На ее шее не видно крови. Только две небольшие дырочки — Макс всегда был аккуратен. Он уже успел отужинать. Это пожизненный крест, точнее посмертный. Но зачем же убивать? В этом нет никакой необходимости, только извращенное желание отобрать жизнь, почувствовать себя всемогущим, почти богом. Прихоть более сильного существа. Макс любит пьянящее ощущение превосходства, я никогда этого не понимала.

Сам он стоял спиной ко мне и как ни в чем не бывало разговаривал по телефону. Назначал кому-то встречу в Питере. Ни меня, ни слетевшего полога он даже не заметил. Я не стала мешать. Подождала, пока

договорит. С удовольствием рассмотрела симпатичный iPhone 4 — до десяти часов сети вай-фай, широкоформатный экран на три с половиной дюйма и еще куча всяких милых сердцу наворотов. Я давно хотела купить такой. Но денег постоянно не хватает, точнее, уходят они не на то.

Парень сунул телефон в карман, лениво развернулся и заметил меня. Хищно оскалился, приняв за обычную человеческую девушку. Это заблуждение мне было на руку. Узнать меня он, конечно, не узнал. Тоже неудивительно. А я не стала ничего объяснять, просто подошла и без слов ударила. Коротко и мощно, сверху вниз ногой — растяжка мне позволяет. Его щека, расщепленная жесткой подошвой, окрасилась бордовым. От удара парень отлетел в сторону и скорчился на земле. Густая кровь стекла на подбородок, потом на шею и испачкала воротник пижонской рубашки. В его глазах на миг мелькнули испуг и растерянность. Мне хватило времени, чтобы с наслаждением ударить еще раз — это была месть.

Макс старше меня и опытнее, но его жизнь состоит из одних лишь удовольствий. Он привык иметь дело с людьми, которые в несколько раз его слабее, или с продажными халдеями, которые за деньги готовы стерпеть все. Одним словом, крыса. Злобная, мелкая, но мало на что способная в одиночку.

Он даже сопротивляться толком не мог. Только утирал с лица кровь, скулил и пытался достать из кобуры под курткой пистолет. Пули там, вероятно, были серебряные. Но он понимал, что одних пуль чертовски мало. Знал — меня это не убьет, но надеялся обездвигнуть на время и добить или сбежать. Зря! Даже выпусти он всю обойму, я все равно буду сильнее его. Потому что для него это все непривычно, страшно и жутко. А для меня — жизнь. Тринадцать лет каждодневных тренировок, и все ради одного этого дня. Ради удовольствия в один прекрасный момент поквитаться.

Если бы он был чуть смелее, то смог бы задавить меня массой — один точный, выверенный удар физически более сильного противника мог свести на нет мои умения, но Макс не привык защищать себя сам. Слишком любил прятаться за спины других или убивать слабых человеческих девушек. Он просто не рискнул. Мне было приятно осознавать, что он боится. После первого же моего удара он потерял уверенность, посчитал меня сильнее, чем я есть на самом деле, и в этот момент проиграл.

Всадив в его сердце кол, я не испытала ни жалости, ни сомнения. Макс так и не понял, за какие грехи его убили. Он продался халдеям и стал в нашем обществе изгоем. Он даже пропустил момент, когда его официально разрешили убить. Иначе успел бы подготовиться к встрече с такими, как я.

Тело на земле уже начало разлагаться. Вопреки легендам морой, если его убить, не разлетается прахом сразу, а словно бы тает, проходя все этапы разложения за несколько минут. Я торопливо окинула взглядом модные шмотки и, подавив брезгливость, залезла в карман куртки мерзавца — уходить без трофея нельзя, это — традиция. А потом должна же я представить доказательства того, что преступника больше нет? Да и есть повод лишний раз не тратиться на заманчивую игрушку. В любом случае я хотела порадовать себя телефоном после очередного заказа, а тут вышла экономия.

Макс любил дорогие вещи, будь то машины, девушки, духи или вот телефоны. Я тоже люблю телефоны, машины и духи, но возможности у меня куда более скромные.

Сунув заслуженную добычу в карман, я спешно направилась прочь из парка, в сторону метро. Не хотелось бы опоздать и потом ждать такси. Можно, конечно, проявить благородство и сознательность — вызвать милицию. Но зачем? Тело девушки в любом случае в бли-

жайшее время найдут и сильно удивятся, обнаружив рядом дорогие, стильные, но невероятно грязные мужские шмотки. Но мне-то что? Я свое дело сделала. Жаль только, что месть не принесла никакого облегчения. Впрочем, я знала, что так будет. Ведь ничего не изменилось, по крайней мере, для меня.

Глава 1 ПИТЕРСКИЙ ТУМАН

На будущем — пелена,
На прошлом — туман с Невы,
Лишь восемь часов без сна¹
От Питера до Москвы .

За окном в мутной рассветной дымке проносились роняющие листву деревья, телеграфные столбы, а иногда и целые поселения. На горизонте лениво вставало солнце, стыдливо прячась в мутном мареве облаков, словно понимало, что сегодня слишком насыщенный у меня выдается день.

С пятницы на субботу в поезде Москва — Санкт-Петербург всегда много народу, но я предпочитаю одиночество и поэтому заказываю себе отдельное купе или вообще еду на машине. Меня раздражает суета и навязчивое внимание. Лучше заплатить и слушать мерный перестук колес, чем, стиснув зубы, внимать пустому трепу случайных попутчиков или, упаси боже, любоваться на пьяные рожи и дышать перегаром. В купе подобных проблем нет и можно спокойно отдыхать, но я не люблю спать ночью, вот и приходится таращиться в окно и невольно прислушиваться к тому, как пьяно бубнят за тонкой стенкой подвыпившие соседи.

Я взглянула на небольшие золотые часы на руке — круглый циферблат с пятиконечной звездой, выложен-

¹ Максим Леонидов. «От Питера до Москвы». — *Здесь и далее примеч. авт.*

ной бриллиантами — подарок очередного бойфренда. Мы были вместе недолго. Этого хватило, чтобы возлюбить с удвоенной силой свободу и независимость. Но часы от этого не стали меньше мне нравиться. Я не из тех, кто, выкидывая из сердца мужчину, возвращает и все сделанные им подарки. Должно же после романа остаться хоть что-то, кроме очередной порции разочарования. Обе стрелки показывают на острие опущенного вниз луча. Шесть тридцать. До Питера осталось всего ничего — чуть больше полутора часов. Почти сто минут отдыха, а потом опять новые люди, суета, работа.

Нет, до вечера у меня есть свободное время, можно даже немного вздремнуть, но я уже вряд ли буду одна. Интересно, кого пришлют меня встречать? Кого-то из наших или еду? Надеюсь, что второе. Не хотелось бы на новом месте, ко всему прочему, заботиться о раннем завтраке. В животе нехорошо потянуло, рот наполнился слюной. Не люблю ощущение жажды. Его не заглушишь ничем: ни кофе, ни обычной пищей, ни каким-либо делом. Но попробовать можно, все равно заняться нечем. Я достала из сумки зеркало на подставке и косметику. Открыла пудреницу и начала механически поправлять макияж. Тон ложился ровно, превращая живое лицо в привычную холодную маску. Я всегда красилась много — маскировалась. Без макияжа мне не давали больше восемнадцати. Чаще всего шестнадцать. Вечные, застывшие шестнадцать лет. Как же я их ненавижу!

С тех пор как я изменилась, прошло тринадцать лет. А мне все так же шестнадцать. Я подстригла и покрасила волосы, я не выхожу из дома без косметики. Но это слабо помогает. Больше двадцати мне еще ни разу не давали и никогда не дадут. Велика радость — на всю жизнь остаться худосочным существом с лицом дурочки-старшеклассницы. Одному из лучших домушников стаи повезло еще меньше. Ему навсегда двенадцать. Вот уже пятьдесят с лишним лет. Прекрасный пол все-

рьез не воспринимает, сигареты и спиртное в магазинах не продают. Спиртное и мне продают далеко не всегда, а сигареты продавщицы подают иногда с таким выражением лица, что хочется сунуть им в нос паспорт. Правда, по паспорту я тоже моложе своих лет — мне двадцать один. Это лучше, чем шестнадцать — я могу пить, курить и водить автомобиль.

Попросив у проводницы кофе, я засунула в сумку зеркало, проверила наличие документов и расслабилась. Сделала обжигающий глоток из совдеповского стакана и прикрыла глаза. Кофе в поездах можно пить только так, зажмурившись, и очень горячим, лимон добавить для вкуса, иначе гадость редкая.

Остаток пути я провела, рассматривая проносящиеся за окном огни и медленно светлеющее небо. Как обычно, вышла в тамбур первая — ненавижу толкаться с другими пассажирами и тыкаться носом кому-то в спину. Когда мне дышат в затылок, тоже не люблю, но этого не избежать. Народу на перроне было море. Приезжающие, встречающие перемешались и издавали такой гомон, что их не могли перекричать даже зазывалы-таксисты. Несколько слишком резвых в душевном порыве даже попытались отобрать мою сумку, чтобы помочь ее донести, а потом и меня насильно усадить в такси. Я вежливо отказалась, едва удержавшись, чтобы не оскалиться. Еще один минус девчачьей внешности: везде меня принимают за особу, в первый раз приехавшую в большой город. Достало уже. На перроне меня никто не встречал — это и к лучшему. Наконец-то Марат внял доводам разума и поверил, что большого багажа у меня не бывает.

Черный *Touareg* с символичными тремя шестерками на номерах я заметила сразу же. Слишком уж он был «наш» — хищный и словно отгороженный от внешнего мира наглухо тонированными стеклами. Закинув на заднее сиденье небольшую дорожную сумку, я бесцеремонно плюхнулась рядом с водителем, удостоив его

мимолетным взглядом — обычный человек, запах которого смешивался с недорогим, но вполне приятным парфюмом. Мне нравилось сочетание крови, цитруса и молодости.

Еще совсем мальчишка — лет двадцать, не больше. Моя сегодняшняя закуска, видимо. Марат расстарался, подобрав мальчика посимпатичнее. Ему бы моделью работать, а не водителем. Правда, платят у нас больше.

В наивно-вытаращенных голубых глазах парня мелькнуло изумление, испуг и брезгливость, которую он не смог скрыть. Значит, из недавно посвященных. Не привык еще. Знает, что меня нужно не просто подвезти, но еще не смирился с существующим положением вещей. Либо привыкнет и не станет реагировать остро, либо сломается и умрет, или уйдет, попрощавшись с некоторыми воспоминаниями.

Парень натянул на нос темные очки, внимательно посмотрел на меня еще раз и уже открыл рот, но я, предваряя вопрос, небрежно шепнула, положив руку на руль:

— Что стоим, поехали уже. Я устала! — На пальце блеснуло кольцо — пятиконечная звезда, вписанная в круг. Непосвященные думают, что печатка надета неправильно. Иначе почему острие луча направлено вниз к кисти. Но водитель все понял верно. Он сглотнул, прокашлялся и, так и не рискнув что-либо сказать, тронулся с места.

Я люблю Питер. Пожалуй, это один из немногих городов, к которым я испытываю настоящую слабость. Мне приятно здесь находиться. Мне нравится гуляющий по набережной ветер, холодный воздух и то, что здесь редко бывает солнечно. Я люблю и спокойное умиротворение старых улиц, и толпы туристов. В Питере я чувствую себя живой. Здесь нет необходимости оставаться в тени или отсиживаться дома днем — туман и дождь защищают не хуже сумерек.

Больше всего меня притягивают в Питере каналы. В каждый свой приезд я хотя бы раз совершаю с экскурсионной группой неспешную прогулку на катере. Если пасмурно и сумрачно, тогда днем, но чаще ночью, чтобы послушать играющий на палубе джаз и в очередной раз увидеть, как разводят мосты.

До апартаментов, в котором я привыкла останавливаться, было совсем недалеко — можно дойти пешком. Тем более вещи прибыли еще вчера, а сегодня их уже, наверное, отгладили и повесили в шкафы. Я — частый гость, и мои предпочтения знают. Но вот досада, вместо того чтобы наслаждаться неспешной прогулкой по Невскому, вдыхать запах каналов, стучать каблуками по брусчатке на мосту, рассматривать милые безделушки и прицениваться к картинам — в общем, погружаться в атмосферу города, я должна терпеть испуганного водителя и шикарный джип, в котором душно.

К сожалению, ничего с этим не поделаешь — правила хорошего тона, чтоб их! Машина, водитель — все это часть ритуала встречи дорогих московских гостей. Была бы я женщиной, за рулем сидела бы красивая блондинка. А так блондин, как мне нравится. Впрочем, блондин... брюнет, неважно — в любом случае это добрая воля принимающей стороны, а не мое требование. Я вообще приехала по делам, и все эти почести — каприз Марата, за который мне придется платить улыбками и потерянными вечерами. Как ни крути, наносить ответный визит вежливости придется уже завтра. Хорошо, что не сегодня — планы. Их нарушать нельзя, к счастью. Если выбирать между вечером в компании Марата и работой, я, без сомнения, предпочту второе, даже если существует опасность, что во время очередного задания меня убьют.

Трехкомнатные апартаменты, в которых я останавливаюсь каждый раз, когда приезжаю в Питер, располагаются в обычном доме. Одним из немногих жилых, оставшихся на Невском проспекте. Меня как раз и под-

купала уютная домашняя атмосфера. Апартамент соединяет в себе преимущества квартиры и гостиницы. Комфорт и уединенность, присущие собственному жилью, и каждый день — чистые простыни, совсем как в гостинице. Не нужно заботиться об уборке и стирке, все услуги включены в стоимость.

Наверх, ко мне в апартаменты, водитель проследовал безропотно, но с видом идущего на заклятие агнца. Смотрел он при этом, как провинившийся спаниель, что окончательно испортило настроение. Прямо «Не убейте, Христа ради», — читалось на потерявшем привлекательность лице. Все же страх обезображивает даже самых красивых мужчин. Была бы я не столь голодна, отправила бы паренька обратно к Марату, и пусть оправдывается как хочет. Нельзя же так аппетит портить!

Бросив небольшую дорожную сумку с ноутбуком и самыми нужными вещами на диван, я кивком указала «завтраку» на стул. Он присел и испуганно отвел взгляд. Да что б его! Марат надо мной специально издевается, что ли? Не мог прислать кого-нибудь не такого нервного? Что я буду делать, если это чудо от вида крови в обморок грохнется? Наверное, намного проще выйти на улицу и позаботиться о пропитании самостоятельно. Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но не в данном случае!

Терпеть гостя в своем временном жилище не хотелось. Стремясь как можно быстрее освободиться от его присутствия, я нашла в баре высокий стакан и поставила на стол. Парень сдавленно хрюкнул, а когда я недоуменно на него покосилась, вжался в спинку стула. Я едва сдержала стон. Достала из сумки одноразовый шприц.

— Куртку сними, — бросила я своему водителю, не поворачивая головы. Смотреть на затравленного паренька сил не было. Ненавижу, когда сложности возникают на пустом месте. Может, и в самом деле отправить

это чудо обратно к Марату с просьбой, чтобы тот выслал мне кого-нибудь более спокойного? Идея хороша, только вот, зная буйный нрав Марата, можно предположить, что пареньку грозят неприятности. А мне его жалко, что-то я слишком стала сентиментальная. Нехорошее качество и для морои, и для моей профессии.

— А что, вы будете... иголкой... — подал голос объект моих размышлений, и начало казаться, что сдать его обратно Марату не такая плохая идея. — А я думал... Марат Рустамович сказал...

— Что сказал Марат Рустамович? — устало выдохнула я, всаживая иголку парню в вену. Шприц медленно наполнялся кровью, тягучей и густой, наверняка приправленной страхом и адреналином. Хорошо бы ее глотать прямо из вены. Так намного вкуснее. Интересно, если я так и поступлю, мой завтрак грохнется в обморок или все же устоит? Соблазн велик, но я не настолько зверь, чтобы издеваться над испуганными детьми.

— Ну... Марат Рустамович сказал... — Парень сглотнул, посмотрев на иглу, торчащую в руке. Так, он и этого боится. Да что же это такое... — Ну что...

— Что я накинусь на тебя, жестоко изнасилую и напьюсь из яремной вены, перемазав при этом физиономию и разбрызгав кровяную по стенам? — невинно поинтересовалась я и, не удержавшись от маленькой шалости, плотоядно облизнулась. Картинка получилась на редкость соблазнительная.

Парень пытался отрицать, но вот его взгляд говорил об обратном. Что бы ни сказал Марат, сам паренек представлял нашу встречу именно так, как я ее описала.

— Прости, что разочаровала, — буркнула я, кинула молодому человеку упаковку ваты и перелила кровь в стакан. — Тебя хоть как зовут?

— Леша, — едва слышно буркнул водитель и отвернулся, смущаясь. Немного посопел и выдал: — Да я

что? Я же все прекрасно понимаю... Просто вы же маленькая... Я так не могу. У меня сестра Ксанка чем-то на вас похожа. Ей на той неделе шестнадцать исполнилось. Вот мне и странно...

— Слушай ты, высокоморальный ранний завтрак! — взбесилась я. — Маленькая! Да я не только старше твоей сестры в два раза, я и тебя старше!

— Да, понимаю, — Леша резво вскочил со стула и попятился к двери, — но все равно неожиданно. Как представил Ксанку...

— А ты не подпускай свою Ксанку к нам, держи язык за зубами и молись, чтобы ее никто не заметил. В шестнадцать лет вечная жизнь ой как привлекательна. Отрезвление наступает позже... когда понимаешь, что вечность — это не жизнь, это — смерть, точка, после которой нет ничего. — На этом моменте я запнулась, вмешались свои еще не поблекшие воспоминания.

— Но молодость навсегда, разве это плохо?

— А умереть в шестнадцать хорошо?

— Нет, но...

— Нет никаких «но» в том-то и дело. Ты думаешь, в шестнадцать лет я обрела вечную жизнь? Нет, я просто умерла. Мои родные лишились меня, а я — возможности расти, рожать детей, стареть. В общем, возможности жить. То, что ты видишь перед собой, — это совершенно другое существо, которому недоступно очень много человеческого.

— То есть ты не хочешь быть мороем?

— Пока ты человек, у тебя есть выбор, после обращения выбора нет. Поэтому становятся бессмысленными рассуждения о том, кем я хочу быть.

— А когда ты поняла, что предпочла бы остаться человеком? — За такие вопросы я обычно карала, но на Лешу не злилась, поэтому пришлось честно отвечать:

— В тот момент, когда перестала им быть.

— Но почему же тогда согласилась на перевоплощение?

— А меня никто не спрашивал, — невесело хмыкнула я, понимая, что дальше разговаривать не хочу. — А сейчас — все. Я устала и видеть тебя больше не могу. Отправляйся домой и не нервируй меня. Машину оставь на стоянке, она мне вечером пригодится.

— Не могу, — парень погрузился, — Марат Рустамович не велел мне отлучаться, и вас очень просил к нему приехать. Сказал, что негоже с гостями не поздороваться.

— Да чтоб его! — выругалась я.

Отклонить приглашение не было никакой возможности. Мой мэтр и Марат не то чтобы друзья — скорее партнеры, поддерживающие друг друга и привечающие мальков. Мы с почестями встречаем гостей из Питера, они же всегда помогают, чем могут, московским, и личные симпатии или антипатии тут ни при чем. Мы, как вид малочисленный, держимся друг друга. Нет, отказаться нельзя.

— Что, он ждет меня прямо сейчас?

— Да нет, можно и позже. — Леша даже немного улыбнулся. — Марат Рустамович сказал, чтобы вы отдохнули, но после обязательно навестили его.

— Он будет в офисе? — Надеюсь, мой голос прозвучал не похоронным маршем. Черт! Я так рассчитывала на то, что до вечера получится побыть в одиночестве.

— Да, думаю, после пяти точно.

— Вот и хорошо, — немного расслабилась я. — Значит, к этому времени и поедем. Заберешь меня отсюда. А сейчас все же, будь добр, скройся с глаз моих долой, или он приказал караулить меня у кровати?

— Да нет... — смутился Леша и исчез за дверью, а я выдохнула с облегчением. Залпом допила оставшуюся на дне стакана кровь и отправилась в душ. Пребывание в Питере началось как-то излишне активно. Сначала — этот странный мальчик Леша. Потом — желание Марата увидеть меня во что бы то ни стало. А между тем до вечера, на который у меня запланировано се-

рзное мероприятие, еще ой как далеко. До него еще дожить нужно.

Холодные струи впивались в тело острыми иголочками. Горячий душ — это еще одно удовольствие, которого я лишилась, перестав быть человеком. Он теперь мне неприятен, терпеть, конечно, можно, но зачем? Другое дело ванна с холодными кубиками льда — я даже мурлыкнула от удовольствия. Только вот времени на такие изыски, к сожалению, немного. А спешить я не люблю, поэтому придется сегодня обойтись без льда и ароматических масел.

Вообще слишком мало осталось вещей, которые вызывают приятные чувства. Чаще всего мне скучно. Безразличным стало и отношение к человеческой еде. Правда, за тринадцать лет я научилась притворяться, что процесс поглощения пищи доставляет мне удовольствие. Что поделать, мы любим ощущать себя живыми. Ходим в рестораны, изысканно едим и пьем. Хотя единственное, что может нас по-настоящему тронуть, — это кровь, ну и еще, пожалуй, секс. Остальное на фоне этих двух страстей блекнет. Сегодня я лишена и первого, и второго удовольствия. И все из-за того, что Леше — моему приятному дополнению к Питеру — я напоминаю младшую сестру. Ни за что не поверю, что Марат не подгадил мне с этим водителем специально.

Леша пробудил во мне те воспоминания, которые я обычно прятала очень далеко, иногда я надеялась, что они ушли навсегда, и неизменно ошибалась. Всегда находился доброжелатель, который начинал вести разговор о том, что быть мороем — это привилегия, честь.

Большинство людей просто не понимали, о чем говорят, и не видели подводных камней, а сами морои жили иллюзиями. Почти все мальки сделали выбор осознанно, кто-то шел за деньгами, кто-то за вечной жизнью или любимыми, а старые акулы давно забыли,

как это — лишиться всего и в один миг превратиться в чудовище.

Я являлась своего рода исключением, никогда не желала становиться такой. Не привыкала к вкусу крови заранее, не мечтала остаться с кем-то навечно. Все решили за меня, я до сих пор не могу понять зачем. Наверное, я слишком громко смеялась и была слишком живой для моих друзей. Живой и земной, я не верила в мистику и никогда, даже в мечтах, не хотела оказаться в мире, где страшные сказки становятся былью.

В один день я испытала ужас, отвращение и непонимание одновременно, когда насильно глотала кровь того, кого считала самым симпатичным парнем из своего окружения. А потом он меня просто убил.

Когда я очнулась под утро на окраине города, то подумала, что мне невероятно повезло. Я ошибалась — все самое худшее ждало впереди. Я начала медленно меняться, и этот процесс — самое ужасное, что я когда-либо испытывала.

Я ополоснула лицо холодной водой, избавляясь от неприятных мыслей, выдохнула и вышла в спальню. Окна из нее выходят на Невский. Я люблю наблюдать за суетящимися внизу людьми: торопящимися куда-то питерцами или неторопливо прогуливающимися туристами. Особенно меня умиляют делегации из восточных стран — маленькие верткие китайцы умудряются передвигаться столь же быстро, как и спешащие по своим делам коренные жители, но при этом от их внимания не ускользает ни одна деталь города. Они на секунду замирают перед старинным фасадом какого-нибудь здания, каналом или скульптурой, быстро щелкают фотоаппаратами и бегут дальше. Мне торопиться не нужно, у меня впереди вечность. Если, конечно, никто не пришибет — слишком уж работа непредсказуемая. А раз так, то бездельничать мне некогда. Особенно сегодня. Времени осталось совсем немного — как раз для того, чтобы вздремнуть и привести себя в порядок.

После визита к Марату я уже не успею вернуться в номер, а значит, предстоит неприятное — на встречу придется идти без макияжа. Вечером я хотела бы сойти за подростка. Если что-то пойдет не так и меня заметят, пусть уж лучше считают загулявшей человеческой девушкой — это безопаснее. Но вот идти в образе старшеклассницы к Марату совсем не хочется. Только другого выбора у меня, похоже, нет.

Старая библиотека была словно вырвана из восемнадцатого столетия вместе с мебелью и стенами. Ничего в ней не говорило о том, что на дворе двадцать первый век. Антикварные кресла, старые стеллажи и древние книги. Даже люстра и настенные светильники стилизованы столь профессионально, что кажутся масляными, а не электрическими. Полная иллюзия. Хозяин кабинета, казалось, тоже не принадлежит этому веку. Темные, забранные в хвост волосы, широкие брови и аристократичный профиль, губы презрительно поджаты. Излишне много для современного мужчины украшений — крупные перстни с камнями, несколько широких цепочек на шее и круглые серьги в ушах. Из одежды — длинный темный халат. В наше время уже нет тех, кто в таком виде мог бы выглядеть мужественно и не нелепо — это под силу лишь средневековым аристократам на старинных портретах. Создавалось впечатление, что хозяин кабинета один из них. Мужчина что-то увлеченно читал, перебирая пожелтевшие от времени страницы, которые были разложены по всему столу.

В помещении было душно. Плотные шторы пропускали лишь незначительное количество света. Тонкий солнечный луч пробивался между двумя полотнами ткани и золотил подлокотник старинного кресла, резной письменный стол и путался в темных волосах мужчины.

Хозяин кабинета сосредоточенно просматривал ли-

сты, перекладывал их с места на место и изредка делал пометки на полях. Невозможно было понять, составляли ли когда-то эти разрозненные листки книгу или же изначально принадлежали разным рукописям. В любом случае мужчина не стремился собрать их воедино, скорее, он по крупницам собирал информацию из разных источников. Он был настолько увлечен работой, что не обращал внимания ни на что вокруг.

— Ты не опоздаешь?

Вопрос заставил вздрогнуть хозяина кабинета. Он оказался не готов к визиту и нехотя поднял взгляд от бумаг. Появившаяся в дверях девушка была красива и немного робела. Не очень дружелюбный, даже жесткий взгляд заставил ее отступить на шаг. Она замерла на пороге, не решаясь войти в комнату. Светлые волосы падали на спину крупными локонами, и лишь искусственный мог догадаться, что на эту легкую небрежность девушка угробила все утро и немало денег. И все для того, чтобы удержать его внимание. Сделать это с каждым днем становилось сложнее. То ли он охладевал, то ли ей со временем стало нужно намного больше, чем он хотел дать.

— Легга, ты же в курсе, что я не терплю, когда меня отвлекают от работы? Зачем ты пришла? — Мужчина черкнул несколько слов в блокнот, собрал бумаги со стола и быстрым шагом направился к двери. Он был несколько ниже, чем могло показаться на первый взгляд, всего лишь на полголовы выше, чем стоящая в дверях холеная блондинка. — Сколько у меня осталось времени? — поинтересовался он, обняв девушку за талию и небрежно поцеловав в шею.

— Около двух часов. Не так уж и много, а на эту встречу опаздывать не нужно...

— Замечательно. — Мужчина мигом потерял всякий интерес к своей гостье, а последнее ее замечание вообще проигнорировал. — Жди здесь, — приказал он, и блондинка послушно присела на край антикварного кресла — прямая, словно стрела, спина, обнаженные

плечи и безмятежность в темно-зеленых глазах. Она даже не спросила, что он собрался делать, повиновалась без слов. Мужчина довольно хмыкнул и выскользнул за дверь, оставив девушку в одиночестве.

Его фавориткой быть невероятно сложно. Достаточно немного ошибиться, и этого хватит, чтобы получить отставку. Летта не хотела ошибаться и слушалась беспрекословно. Это тяжело, но оно того стоило. Ее положение даровало не только спокойную жизнь, роскошь и финансовую свободу при минимуме усилий, но и некоторое количество власти. Все это Летта любила. А еще она была слишком ленива, чтобы добиваться успеха самостоятельно. Не хотелось думать, что будет тогда, когда она надоест Дамиру. А ведь это произойдет рано или поздно. Так бывает всегда. Про его бывших ходило много слухов, но Летта не встречалась ни с одной из них, и это пугало. Нет, они все остались живы или, по крайней мере, погибли не по вине Дамира. Исключение составляла лишь пара предательниц. Но это случилось давно, наверное, больше века назад.

Другое дело, что бывшим фавориткам не место рядом с ним, в его команде, а вот куда идти, Летта не знала и поэтому держалась за свое место, прилагая невероятные усилия, чтобы не наскучить, а любовь и восхищение давно умерли. Дамир обладал удивительным умением убивать все чувства — холодный и безразличный ко всем, кроме себя. Впрочем, быть может, с возрастом к этому приходят все. Летта не знала, сколько ему лет, и никогда не решалась спросить ни у него самого, ни у его помощников. Не сказать, чтобы ее здесь уважали. Мало того, что самая молодая и неопытная, так еще и фаворитка. Большинство даже не предполагали наличия у нее других качеств, кроме привлекательной внешности. Фаворитке ведь нужна лишь красота и покорность. Летта не пыталась это мнение изменить, так жить намного проще — меньше внимания и ответственности, а свободы больше.

Дамир появился спустя полчаса. Блондинка за это время успела обшарить ящики письменного стола, заглянуть на стене под потемневшую от времени картину и пролистать множество книг на полках. Все это она делала быстро и уверенно, словно искала что-то целенаправленно, а, может, подобно многим женщинам, просто старалась быть в курсе дел. Девушка была одета совсем не по-домашнему: узкое темно-зеленое платье она постоянно поправляла, а высокие каблуки мешали ступать неслышно, и приходилось передвигаться по кабинету на цыпочках. Она постоянно оглядывалась — опасалась быть замеченной. Едва услышав за дверью шаги, девушка спешно села обратно в кресло и принялась безмятежно рассматривать порхающие в солнечном луче пылинки. Со стороны могло показаться, что она давным-давно утомилась ждать. Правда, когда за спиной открылась дверь, Летта не смогла сохранить хладнокровие, она испуганно подскочила и изумленно уставилась на хозяина кабинета:

— Ты?

— А ты ждала кого-то другого, Летта? Ты меня пугаешь. — Мужчина говорил совершенно серьезно, но в темных, вишневых глазах плясали смешинки. Видимо, он остался доволен произведенным эффектом.

— Но как... Я чувствую...

— Тсс. — Мужчина подал девушке руку и помог встать с кресла. — Вот теперь я готов ехать.

— Как тебе это удалось? — В глазах девушки зажегся огонь любопытства. От хладнокровной маски не осталось и следа.

— Летта, — мурлыкнул Дамир, — ты меня удивляешь, вот уж не думал, что ты способна чем-то по-настоящему интересоваться. Мне казалось, твои интересы сосредоточены исключительно на том, как ты выглядишь, и на моем досуге.

— Приятно удивляю? — холодно осведомилась блондинка. Она уже успела взять себя в руки.

— Это зависит от того, с какой стороны смотреть. От своей любовницы я жду обожания и все, а вот член команды должен быть умен и любопытен. Определись, наконец, что тебе больше нужно.

Девушка застыла в центре комнаты, как изваяние, на ее лице на секунду мелькнула злость, потом боль и обида и снова вернулась маска равнодушия. А мужчина довольно хмыкнул и вышел в коридор. На его губах играла отстраненная улыбка, создавалось впечатление, что он забавляется, ставя девушку перед невеселым выбором.

Я собралась задолго до прихода Леши. Почему-то сегодня не спалось, хотя днем я обычно дрыхну как сурок и проснуться могу только по будильнику.

Легкомысленные хвостики, джинсы с многочисленными карманами, модные в этом сезоне ботинки-«патрули» и рюкзачок за спиной — когда я хотела, могла сойти и за пятнадцатилетнюю. Только выражение лица нужно сострять понаивнее.

Пользовалась этой маской я редко — слишком ненадежная маскировка. В толпе затеряешься, но любому человеку достаточно посмотреть мне в глаза, чтобы понять — я намного старше, чем кажусь на первый взгляд. Но сегодня ни с кем не нужно вступать в разговоры, достаточно просто следить, а если обнаружат — не вызывать подозрений.

Было одно качество, которое Альгимантас — не только мой непосредственный начальник, но и мэтр — ценил во мне особенно сильно, — меня нельзя распознать. Морои не признавали во мне свою (хотя мы превосходно чуем друг друга), а халдеи не принимали за морою. Я похожа на человека не только внешне, но и по запаху и ощущению — редкий и очень ценный дар. Я могла остаться незамеченной там, где других бы обязательно поймали.

Я чуть не забыла снять золото. Серьги, кольцо в виде

пяतिकонечной звезды и часы с бриллиантами не только не шли к моему сегодняшнему образу, но еще и слишком многое могли рассказать обо мне. Нет уж. Сегодня ничего не должно выдавать во мне морою.

Появившийся в дверях квартиры Леха удивленно икнул, остановился и уставился на меня:

— Вы удивительно похожи...

— Ага, — фыркнула я, — на твою сестру Ксеню. Да-да, я уже слышала.

— Ксанку...

— Да неважно, — махнула я рукой, а Леша решил дать пояснение:

— Ну не внешне похожи... — смутился он. — А так, по общему впечатлению: и возраст один, и красивые обе.

— Ну я значительно старше...

— А на сколько? — Любопытство победило страх.

— А это не твоего ума дело, тем более у нас с твоей сестрой есть и еще одно существенное различие. — Я выдержала паузу. — Она — добыча, а я — охотник. Смотри не спутай.

Леха погрузился и послушно потащился за мной вниз по лестнице к машине. Я не хотела быть грубой, просто парень, сам того не желая, наступил на больную мозоль. Ну не любила я упоминания о своем возрасте со ссылкой на внешний вид. Не знаю, для кого-то, может быть, застрять в шестнадцати годах — мечта, но для меня — это проклятие, которое, я знаю, не снять никогда. Вечный подросток: перемены настроения, угловатая фигура и море комплексов. Да-да, они тоже никуда не делись.

Я открыла окно в машине и с наслаждением вдыхала свежий воздух, он пах совсем иначе, не так, как в Москве. Мне чудилось, что я слышу волны и чаек, даже двигатель машины не мог заглушить эти звуки. Больше всего мне сейчас хотелось ехать не к Марату, а на набережную, а еще лучше к Петропавловской крепости — песчаный пляж рядом был моим любимым местом

здесь. Но машина уносила меня все дальше от центра города, Невы и каналов, на не очень приятную и никому не нужную встречу. Насладиться северной столицей я могла лишь вскользь, попытавшись впитать ее атмосферу через окно несущейся по дороге машины.

Главное отличие Питера от Москвы в том, что здесь никто никуда не спешит. Это нравится всем без исключения потомкам древних. И мороям, и их заклтым врагам — халдеям. В Питере, как нигде в другом месте, много нелюдей. Туманный город примиряет враждующие расы.

Халдеи презирали мороев испокон веков, а морои отвечали старшим братьям ненавистью. Мне очень не хотелось думать, что трусливой, но это правда. Отчасти.

Офис Марата находился на третьем этаже небольшого частного клуба. Это заведение не было в Питере модным. Но зато здесь собирались исключительно свои. Случайные просто не проходили фейс-контроль — вполне оправданная предосторожность. Мы живем, в отличие от халдеев, не общинами-семьями, морои — каждый сам по себе, но это не мешает нам общаться и быть в курсе дел друг друга. У нас свои клубы, фитнес-центры, салоны красоты, даже туристические агентства — так удобнее. А потом, нам нужны рабочие места и возможность затеряться среди людей. Кто-то сравнил мороев с масонами — что же, не могу с этим не согласиться, нечто общее есть: клановость, тайна и взаимовыручка.

На входе в клуб, как и полагается, стоял охранник — высокий, набыченный и внимательный. Леху он, похоже, знал, а по мне лишь скользнул взглядом, не задав ни единого вопроса. Видимо, давно работает, раз научился замечать мелочи и не обращать внимания на внешность. Мы можем выглядеть очень по-разному, важна лишь внутренняя суть. Умудренный сорокалетний бизнесмен вполне мог оказаться глупым необученным

мальком, а прыщавый нескладный подросток — акулой.

Кабинет на третьем этаже respectableного заведения мне был хорошо знаком. Попастъ туда можно только на специальном лифте или по лестнице, ведущей от черного хода. Я считаю, что правильно, когда административные помещения отделены от остальных, особенно если это ночной клуб.

Здесь иным было все. Ни черных стен, ни зеркальных потолков — все выдержано в спокойной офисной манере. Но я чувствовала себя, словно на приеме у чиновника. Напрягал длинный дубовый стол, резные стулья и высокое кожаное кресло владельца всего этого безобразия. Поднявшись наверх, Леха заметно нахмурился, похоже, он испытывал чувства, схожие с моими. Я впервые за сегодняшний день почувствовала в нем родственную душу и прониклась симпатией. Даже твердо решила не говорить Марату о его чрезмерной нервозности.

— Влада Альгис! — Марат сделал вид, что рад меня видеть. Это не так, но я ему подыграла и подарила милую улыбку. Он расцвел в ответ и, приобнимая меня за талию, пропел: — Как всегда юна и с виду наивна!

— Да и вы не меняетесь, Марат Рустамович, — отпустила ответную шпильку я, прекрасно понимая, что мои слова его заденут. Дело в том, что Марату не очень повезло в посмертии. Когда его обратили, он был уже немолод, толст и лысоват, а это, пожалуй, еще хуже, чем мой вечный подростковый возраст.

Марат кисло улыбнулся, показывая, что этот раунд остался за мной, и предложил присесть, кивком указав Леше на дверь. Мой водитель без вопросов скрылся в коридоре.

— Выпьешь?

— Пожалуй, нет, — отрицательно мотнула головой я. — У меня в планах насыщенный рабочий вечер.

— Печально, я думал, ты останешься здесь. У нас в клубе сегодня занимательная программа. — Марат, как мог, скрывал свою непрезентабельную внешность. В настоящее время это нетрудно. К его услугам: пластические хирурги, которые убрали отвисшее пузо и подтянули одрябшие щеки; кутюрье, в костюмах которых он казался стройнее; и кредитная карточка — она добавляла Марату львиную долю привлекательности и позволяла не бегать за едой по подворотням. Я рада, что не могла знать Марата сто лет назад, даже сейчас он вызывал у меня лишь омерзение. Хотя я его уважала. Он стал акулой давным-давно, вырастил не одно поколение мальков и всегда давал дельные советы.

— Я бы осталась с радостью, — мне надоело разглядывать главного в питерской стае мороев, — но сам понимаешь, Альгимантас меня сюда прислал не отдыхать. Как-нибудь в другой раз.

— Может, завтра? — оживился Марат и плюхнулся в свое кресло. Рукав пиджака приподнялся, и стала заметна татуировка в виде пятиконечной звезды — мало кто решался оставить знак на своем теле. Иногда это опасно. Одно дело печатки, серьги, перстни, другое — тату. Его не снимешь — глупое суеверие, но все же. Наверное, все морои в глубине души надеются на то, что когда-нибудь проклятье можно будет снять, и только такие старые акулы, как Марат или мой мэтр, понимают в полной мере — это невозможно.

— Можно и завтра, — ответила я с заметной задержкой и тут же улыбнулась. Еще не хватало, чтобы он решил, будто я раздумываю, принять предложение или нет.

— Вот и решили, у нас завтра гости, замечательная шоу-программа, не пожалеешь.

— У вас в клубе всегда прекрасная программа. — Я не кривила душой, в «Gentle blood» мне действительно нравилось. Марат никогда не повторялся и тщательно следил за тем, чтобы его гости оставались довольны.

— Что за дело привело тебя в Питер? — небрежно обронил он, словно вскользь.

Я удивленно приподняла брови. От Марата я не ожидала такого глупого вопроса. Да, мы поддерживаем друг друга, но никогда не делимся информацией по работе. Он — владелец ночного клуба и нескольких баров, а я — охотница за артефактами. Нет смысла обсуждать между собой проблемы, а иногда и вообще опасно. Обычно Марат не нарушал это правило. Интересно, что его подвигло сегодня начать разговор?

— Понимаю, что лезу не в свое дело. — Он вроде бы даже смутился. — Но у меня есть информация. Не знаю, насколько она тебе поможет, и вообще важно ли это. Но в последнюю неделю у нас что-то много развелось халдеев. Два новых клана как минимум пожаловали один за другим. Мне не нравится такое оживление, не к добру это. Сначала в Питере наблюдается паломничество халдеев, потом мне звонит Альгимантас и говорит о том, что скоро прибудешь ты и тебе может понадобится помощь и поддержка. Влада, это все совпадения?

— Представления не имею, — честно ответила я, но сведения на всякий случай учла. Я тоже не верила в то, что халдеи могли нагрянуть случайно. Два клана — это много. Насколько я знаю, в Питере постоянно проживают около пяти кланов халдеев — человек сто или около того. Еще сорок сверху — это заметно и неприятно. Я не люблю халдеев. Никто из наших их не любит, что не мешает с ними торговать и поддерживать отношения. Правда, я предпочитала не связываться. Халдеи нас презирают и стараются кинуть при любом удобном случае. Угрызений совести они при этом не испытывают, так как возомнили себя высшей расой, стоящей над людьми и уж тем более над морями.

— Задумалась, Владочка? — Я совершенно некстати забыла про Марата, а он был невероятно прозорлив.

— А что, не над чем?

— Ну это в зависимости от того, что тебя привело к нам.

— Неважно, что привело. Сорок халдеев, одновременно появившихся в городе, в любом случае не могут не напрягать.

— Нам точно известно о пятнадцати. Другие же как-то разобщены. Живут не вместе, но часто пересекаются, и нельзя точно сказать, сколько их, но думаю, не меньше двадцати. Самое неприятное, что рядом с ними вьются морои.

— Кто-то из мальков?

— Необязательно, есть подростки рыбешки типа тебя, а есть и пара акул. Но не наши, тоже приезжие. Они держатся в стороне и на контакт не идут.

— Вы пытались что-то предпринять?

— А что, Владочка? Все тихо. Халдеям мы не указ, они живут там, где хотят, и столько, сколько хотят. А те морои, которые вокруг них крутятся, ведут себя примерно, на людей не нападают. По крайней мере, прецедентов не было, а то, что не общаются ни с кем из местных, так это тоже не преступление. Но вот предчувствие говорит о том, что все это неспроста. Думал, может быть, ты прольешь свет на то, что происходит.

— Я бы и рада, но, к сожалению, мне известно еще меньше вашего. Увы. Представления не имею, чем вызвано это оживление. — Я почти не врала, так, немного не договаривала. Марат это понял, но настаивать не стал и правильно, меньше знаешь — больше шансов проснуться.

— Умна ты стала, Влада. Умна и скрытна, — с некоторой грустью сказал Марат.

Я молчала, пока не знала, как эти слова воспринимать, как комплимент или как завуалированное оскорбление. Сильно сомневаюсь, что старая акула меня похвалила.